

ОРУЖИЕ БЛИЖНЕГО БОЯ ПОЗДНЕСАРМАТСКИХ ПЛЕМЕН ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА И УСТЮРТА

Аннотация. В статье, на основе статистических данных полученных в результате анализа свыше 300 погребений, делается вывод о том, что в обществе поздних сармат была выделена прослойка профессиональных воинов. Используя мечи, кинжалы и боевые ножи в качестве основных средств для успешного исхода в ближнем бою.

Ключевые слова: поздние сарматы, вооружение, профессиональные воины.

Начиная со второй половины II в. н.э. на территории Западного Казахстана и сопредельных территорий распространились кочевые племена, получившие свое название по одноименной археологической культуре – позднесарматской (прим. авт. – отдельные аспекты формирования этой культуры, в частности этнокультурной принадлежности, ареала распространения, погребального обряда и инвентаря являются дискуссионными) [Граков 1947: 100-121; Смирнов 1950: 97-114; Скрипкин 1984; Мошкова 1989: 191-202; Малашев 2013; Боталов, Гуцалов, 2000; Мошкова 2007: 103-111; Малашев, 2007: 111-121; Мошкова, Малашев, Болелов 2007: 121-132].

Формирование новой культуры, вероятно, происходило в короткий промежуток времени, при постоянном увеличении численности населения, на что косвенно указывают единые стереотипы традиций погребального обряда (северная ориентировка, узкие прямоугольные могильные ямы или с подбойной нишей под западной стенкой, деформация черепной коробки и т.д.), набор погребального инвентаря (мечи и кинжалы без навершия и перекрестия, фибулы, зеркала-подвески, ожерелья и т.д.) [Мошкова, 2004: 22-44; Кривошеев, 2020: 113-128], а также формирования значительных по количеству могильных полей в одном локальном месте [Боталов, Бисембаев 2002: 108-116; Дуйсенгалы и др. 2018: 235-244].

Естественные процессы, связанные с расширением ареала существования, привело к необратимым последствиям вылившихся в столкновения как с местным населением, так и с их соседями. На этот факт указывают исследования антропологов. Е. В. Перерва фиксирует увеличение доли травматизма посткраниального скелета в позднесарматское время в отличие

от предыдущего времени почти в два раза, с 12% до 24,2% [Перерва 2005: 21]. При этом травмы, которые можно охарактеризовать как полученные при боевых столкновениях относятся к мужскому взрослому населению. У детей и юношей такие травмы отсутствуют [Кривошеев, Перерва 2017: 14-36.]. Эти выводы согласуются с мнением М. А. Балабановой, считающей, что при формировании позднесарматской культуры активное участие принимало мужское население (мигранты, носители идентифицирующих признаков позднесарматского населения) у которых обнаружен высокий показатель травматизма, характеризующихся как профессиональных воинов [Балабанова, 2004а: 221-227]. При боевых столкновениях ими были получены боевые травмы: это резанные, колотые, рубленые, стрелянные раны нанесенные в область лица, черепа и посткраниальных костей различными видами оружия [Балабанова 2004б: 21-32].

Статистические данные показывают (а также данные антропологии), что для решающего исхода боя стало играть оружие ближнего боя: мечи, кинжалы, боевые ножи.

Всего в нашей выборке было использовано 315 объектов поздних сармат. Предметы вооружения были обнаружены в 38 погребениях, что в процентном выражении составило 12% [Жамбулатов и др. 2019: 265-285].

Мечи (рис. 1:1-3). Наиболее встречаемую категорию оружия на территории Западного Казахстана и Устюрта составляют мечи, выявлено 24 целых и определяемых как меч. В одном погребении обнаружено лишь обозначение присутствия меча в виде халцедонового навершия, которое лежало слева от ключицы покойного. Все мечи двулезвийные без металлическо-

го навершия и перекрестия. Ручка в виде штыря обкладывалась деревом, лезвие линзовидное в конце заострено или скруглено. Мечи лежали в деревянных ножнах, окрашенных в красный цвет. Также были зафиксированы крепления ножен к поясу и ногам.

Данные образцы мечей (мечи и кинжалы) А.М. Хазанов отнес к 2 и 3 типу своей классификации и определил период их существования II-IV веками н.э. Различие между двумя типами определялось формой перехода от клинка к ручке-штырю. Ко 2-му типу относились мечи с треугольным основанием клинка и плавным переходом в ручку-штырь. К 3-му типу относились мечи с клинком, переходящим в рукоять под прямым углом.

Кроме того, различным было и время их существования. Так, А.М. Хазанов определяет, что позднесарматские мечи и кинжалы 2-го типа к III в. н.э. трансформируются и переходят в 3-ий тип [Хазанов 1971:15-17]. То есть в начале позднесарматского времени бытовали мечи 2-го типа, а к концу своего существования позднесарматские племена использовали уже мечи и кинжалы 3-го типа.

Иначе на периодизацию этих мечей смотрит М.В. Кривошеев. Он не видит принципиальной хронологической разницы между типами 2 и 3 и считает, что эти мечи существовали параллельно на всех этапах позднесарматской культуры [Кривошеев 2007: 67].

Усредненная длина всех мечей 90 см. Средняя длина начинается от 80 до 98 см. Два самых коротких мечи имеют длину 60-61 см. Самый длинный меч длиной 127 см. Ширина клинка у основания рукояти варьируется в пределах 3,5 - 5,5 см, ширина клинков большей половины мечей равняется 4 см.

Длина ручек-штырей различна, что в большей степени соответствует сохранности предмета. Так, самый короткий штырь был длиной всего 2 см, а самый длинный 27. Среднее значение длины штырей 13 см. Наиболее длинные рукояти наблюдаются в Лебедевском комплексе. В 5 исследованных погребениях мечи имели длину штырей от 15 до 27 см. На ручках 5 мечей были различимы прикипевшие остатки от деревянных обкладок рукояти. В погребении могильника Лебедевка VI курган 1 был найден меч с деревянной ручкой, крепившийся с помощью двух железных заклёпок.

Рукоять мечей знатных воинов часто украшалось навершием из полудрагоценного камня. Чаще всего использовались округлые диски из халцедона и агата, к примеру, халцедоновые навершия были обнаружены в 5-ти погребениях, агатовые в 2-х.

Навершия имели округлую дисковидную форму (диаметром 4,5-7 см) с отверстием в центре, которые с

помощью железного или бронзового гвоздя с шляпкой крепилось к деревянной рукояти. К примеру, длина гвоздя погребения кургана мог. Лебедевка VI составляет 16,3 см. В богатых погребениях навершие обтягивалось золотой фольгой с изображением лика человека или украшалось полудрагоценными камнями [Мошкова, Демиденко 2010: 254-261].

В 17 случаях удалось проследить расположение меча в погребальном обряде. Необходимо отметить, что в эту выборку не были включены материалы из Устюрта, положение мечей в которых было смещено. В 11 случаях меч лежал справа от погребенного, в 8 случаях слева. Клинок меча всегда расположен острием вниз, к ногам.

Зафиксировано 3 позиции расположения меча относительно погребенного воина: рукоятью от плеча, рукоятью от локтя и рукоятью от пояса. Наблюдается определенная частота расположения меча с обеих сторон воина – это от плеча. С правой стороны – 3 позиции от локтя и пояса, 4 случая от плеча. В левом расположении – 4 случая от плеча, 2 от локтя, 1 раз от пояса. Если учитывать формы погребальных сооружений, в которых были найдены мечи, то чаще всего они были зафиксированы в округлых курганных насыпях, а также в так называемых гантелевидных и квадратных формах сооружений. Из 24 обнаруженных мечей, 22 меча было найдено в погребениях с округлой курганной насыпью, 1 меч – в гантелевидном сооружении (погребение было расположено в восточной насыпи) и 1 меч в квадратном сооружении с открытым центром и проходом в южной стене (погребение располагалось в юго-западном углу).

Типы форм погребальных конструкций, в которых найдены мечи также разнообразны. Чаще всего мечи находят в подбойных погребениях. Таких случаев было зафиксировано 12. В узких прямоугольных ямах мечи встречены 9 случаях, в квадратных ямах всего 3 раза. Ориентировка погребенного устойчива, по направлению в северный сектор с небольшими отклонениями и лишь в одном случае было зафиксировано положение головой на запад [Сейткалиев 2014: 141-148]. Погребенные с мечом чаще всего были ориентированы на северо-запад в 14, на север в 6, на северо-восток в 3 погребениях.

В 10 погребениях (41%) совместно с мечами в погребальном обряде присутствовали предметы конского снаряжения. Анализируя погребения с несколькими предметами вооружения, необходимо отметить, что мечи и кинжалы совместно обнаружены в 7, мечи и нагайки в 5, мечи и боевой нож в 4, меч и наконечники стрел в 1, меч и хозяйственный нож в 13 случаях. Мечи

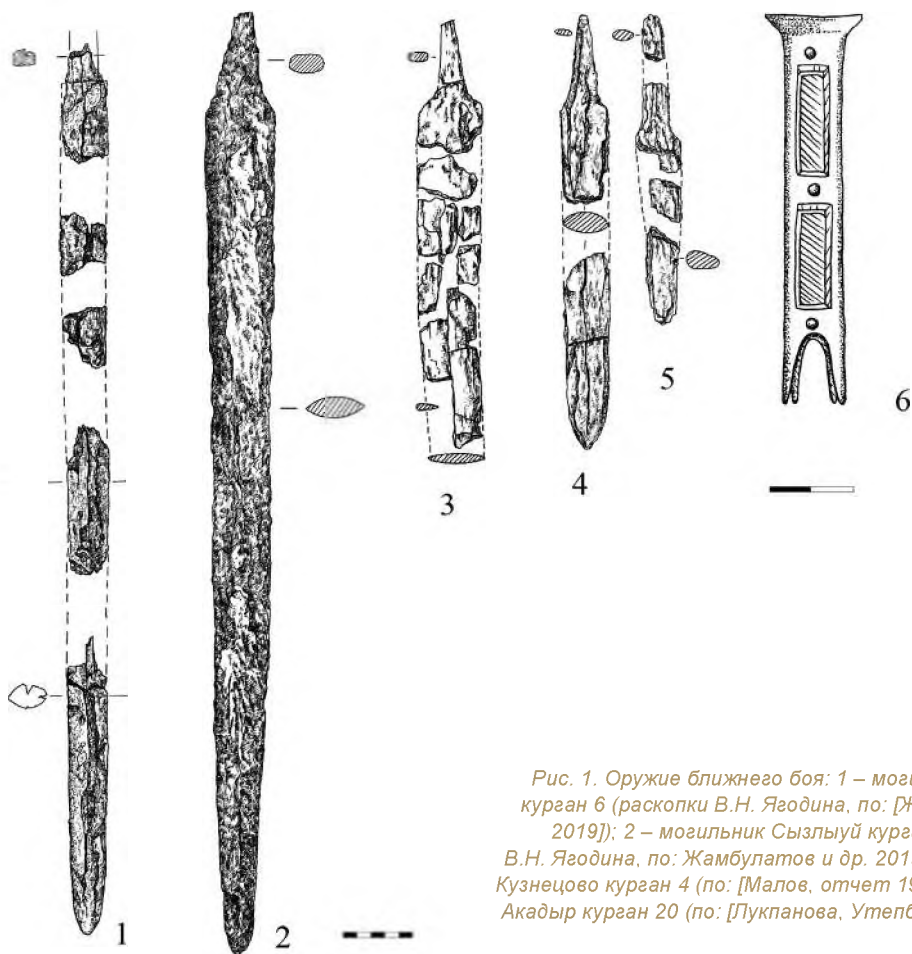

Рис. 1. Оружие ближнего боя: 1 – могильник Сызлыуь курган 6 (раскопки В.Н. Ягодина, по: [Жамбулатов и др. 2019]); 2 – могильник Сызлыуь курган 7 (раскопки В.Н. Ягодина, по: Жамбулатов и др. 2019); 3-5 – могильник Кузнецово курган 4 (по: [Малов, отчет 1989]); 6 – могильник Акадыр курган 20 (по: [Лукпанова, Утепбаев, Отчет 2012])

и кинжалы всегда располагались по противоположным сторонам бедер, 4 раза меч располагался справа и 2 раза слева.

Кинжалы (рис. 1:4-5). Всего на территории Западного Казахстана было найдено 12 кинжалов, выявленных в 10 погребениях. На территории Устюрта последних не обнаружено. В двух погребениях было обнаружено по два однотипных кинжала. В 7 случаях удалось проследить их расположение в погребальной яме.

В подбойных погребениях было найдено 6 кинжалов, в квадратных ямах еще 3. Преобладает расположение последних с левой стороны, таких позиций было выявлено 5. Как правило, кинжал лежал в стороне от покойного в середине могильной ямы, или у ног. В двух погребениях кинжал находился с правой стороны. В могильнике Каратобе в кургане 4 [Сейткалиев 2014: 141-148] оба кинжала были положены слева вместе около внутренней стороны бедра. В могильнике Лебедевка-VI в кургане 3 кинжал лежал на локте острием вверх.

Все кинжалы железные без навершия, обоюдоострые, линзовидные в сечении. Лезвия клинка либо идут параллельно и сужаются в последней трети клинка или у самого конца 4 [Сейткалиев 2014, с. 141-148], либо сужаются постепенно от пяты. Шесть кинжалов не имело перекрестия. Клинок переходил в рукоять плавно, сужаясь или под прямым углом. В четырех кинжалах имелось перекрестие. Два ромбовидных перекрестия выполнены из железа (мог. Таксай-I курган 4) [Кривошеев, Лукпанова 2015: 98-111] и бронзы (мог. Целинный курган 57) [Боталов, Гуцалов 2000: 114]. В последнем памятнике было зафиксировано навершие в виде бронзового колесика. В могильнике Каратобе кургане 4 оба кинжала однотипные. Они имели прямое железное перекрестие, переходящее в рукоять под прямым углом, квадратным в сечении.

Длина кинжалов составляет от 18 до 48 см, среднее значение 30,5 см. Ширина рукояти от 3 до 5 см. Длина штыря рукояти от 2,5 до 10 см.

Чаще всего кинжалы встречаются с мечами в 7 случаях, в 3 случаях с боевыми ножами, по одному разу с наконечниками стрел, копьем и топором.

М.В. Кривошеев кинжалы с тонким бронзовым ромбовидным и прямым железным перекрестием датирует в рамках второй половины II – первой половины III вв. н.э. [Кривошеев, 2007: 65-70].

Боевые ножи (рис. 1:6). Данный предмет погребального обряда появляется в период становления позднесарматской культуры. В.И. Мамонтов относит ножи с бронзовой рукоятью к вспомогательному оружию ближнего боя [Мамонтов 2018: 153-158]. Этому же мнению придерживаются М.В. Кривошеев и Я.А. Лукпанова, но вслед за М.Г. Мошковой не исключают его применение в проведении кульгово-ритуальных обрядов [Кривошеев, Лукпанова 2015: 98-111].

Боевой биметаллический нож с бронзовой рукоятью делится на два типа [Кривошеев, Лукпанова 2015: 98-111]: 1 тип с железным пластинчатым основанием и двустворчатой рамчатой рукоятью, имеющей грибовидное навершие с выемкой в нижней части. Этот тип боевых ножей на территории Западного Казахстана наиболее распространен. Таких ножей было встречено 4 экземпляра.

Второй тип боевых ножей имеет аналогичное пластинчатое основание с двусоставным бронзовыми грибовидным навершием и перекрестием, которое крепилось к основе при помощи клепок. Таких ножей встречено 2 экземпляра.

Длина таких ножей начинается от 16,5 до 22,2 см. Длина лезвия около 12 см, ширина 1,3 см. Длина ручки 8,5 см. Клинок однолезвийный треугольного сечения. В могильнике Восточно-Курайлинский-I кургане 4 сохранились ножи из грубой матерчатой ткани с двумя железными кольцами, с помощью которых нож мог крепиться к поясу [Боталов, Гуцалов 2000: 88-89].

Литература

Балабанова М.А. Об антропологических «перехлестах» в савроматской и сарматских культурах // Сарматские культуры Евразии: проблемы региональной хронологии. Доклады к V международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» (15-18 мая 2004 г.) / Отв. ред. Яблонский Л.Т., Лукьяшко С.И. – Краснодар: Фирма ННС, 2004а. – С. 221-227.

Балабанова М.А. Позднесарматская культура по антропологическим данным // Палеоантропология, этническая антропология, этногенез. К 75-летию И.И. Гохмана. – СПб.: МАЭ РАН, 2004б. – С. 21–32.

Боталов С.Г., Бисембаев А.А. Новые материалы по культуре гуннов Западного Казахстана. \ Вопросы

К этой категории воинского вооружения были отнесены 6 экземпляров, встречающихся как в отдельности, так и в комплексе с другими предметами вооружения. В трех погребениях боевой нож был найден в комплекте вооружения состоящего из меча, кинжала и самого боевого ножа. Превалирующее большинство экземпляров, 4, располагалось слева от погребенного. Во всех четырех случаях боевые ножи располагались в разных местах: у плеча, под лопаткой, на поясе, в стороне от погребенного в центре ямы, где располагались предметы конской упряжи, а также у голени ноги. В одном случае боевой нож располагался справа у плеча.

Эволюция развития вооружения и тактики ведения боя круга сарматских племен, на протяжении нескольких столетий, претерпел ряд изменений [Хазанов 1971:64-90]. В раннесарматское время военное дело было поставлено хорошо, в погребениях находят различное вооружение, мечи, кинжалы, клевцы, копья и дротики, но, пожалуй, самым распространенным видом оружия был лук со стрелами, которые находят практически в каждой могильной яме [Стат. обраб. 1997: 96-113]. Общество в раннесарматское время, вероятно, было в высокой степени милитаризованным, характеризовалось как «народ-войско». Каждый умело пользовался оружием и готов был выступить в поход в необходимый момент по зову предводителя.

В позднесарматское время ситуация изменилась. Как показывает статистика (см. выше), оружием пользовалась незначительная часть общества, которое относилось к профессиональным воинам объединенных в дружину возглавляемых лидером. Изменилась и тактика. Если ранние сарматы отдавали предпочтение дистанционному ведению боя, то для поздних сармат перспектива победы кроилась в ближнем бою, предварительного расстроив строй противника с возможностью использования в полной мере меча, кинжала и в критический момент боевого ножа с тяжелой рукоятью.

истории и археологии Западного Казахстана. – 2002. – Выпуск 1. – Уральск. – С. 108-116.

Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. Гунно-сарматы Урало-казахстанских степей. (Сер. Этногенез уральских народов). – Челябинск: Рифей, 2000. – 266 с.

Граков Б.Н. Пережитки матриархата у сарматов // Вестник древней истории. – М.-Л. Наука, 1947. – №3. – С. 100-121.

Дуйсенгали М.Н., Мамедов А.М., Баиров Н.М. Предварительные итоги исследования погребально-поминальных комплексов поздней древности бассейна реки Уил // «Маргулановские чтения – 2018. Духовная модернизация и археологические исследования». Сбор-

ник материалов международной научно-практической конференции (19-20 апреля 2018 г.) / Отв. ред. Бисембаев А.А., Мамиров Т.Б., Ахатов Г.А. – Алматы – Актобе: изд-во ЖК С.Т.Жанадиллов, 2018. – С. 237-241.

Жамбулатов К.А., Ягодин В.Н., Китов Е.П., Ягодин В.В. Мусаева Р.С. Комплекс вооружения позднесарматского времени территории Западного Казахстана и Устьюрта // *Stratum plus*. – 2019. – №4. – С. 265-285

Перерва Е.В. Население сарматской эпохи по антропологическим материалам из могильников Нижнего Поволжья и Нижнего Дона: автореф. дис. канд. ист. наук. – М.; 2005.

Кривошеев М.В. Вооружение позднесарматского времени Нижнего Поволжья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология. Доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» (22-24 мая 2007 г.) / Отв. ред. Яблонский Л.Т., Таиров А.Д. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ., 2007. – 65-70.

Кривошеев М.В., Перерва Е.В. Воинственность позднесарматских кочевников по данным антропологии и археологии // Военная история России: проблемы, поиски, решения: материалы IV Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию победы в Сталинградской битве (20–21 окт. 2017 г.) / Отв. ред. Сидоров С.Г., Редькина О.Ю. В 2 частях. – Часть 2. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2017. – С. 14-36.

Кривошеев М.В., Лукпанова Я.А. Позднесарматское элитное воинское погребение из Южного Приуралья. Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2015. – № 5 (35). –98-111.

Кривошеев М.В. Южное Приуралье и Нижнее Поволжье в позднесарматское время. Вопросы взаимодействия // Ранние кочевники Южного Урала и Нижнего Поволжья. Материалы круглого стола «Археология ранних кочевников евразийской степи: актуальные проблемы и перспективы их решения» (12-13 ноября 2019 г.). К юбилею докт. ист. наук М.Г. Мошковой. / Отв. ред. Сиротин С.В. – М. МАКС Пресс, 2020. – С. 113-128.

Лукпанова Я.А., Утепбаев У.А. Отчет о проведении археологических раскопок на курганном комплексе Агадыр II в Жанибекском районе 2011 г. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 11, д. 3036, оп. 2, 74 л.

Малашев В.Ю. Археологические памятники южноуральских степей второй половины II-IV вв.: позднесарматская или гунно-сарматская культура (вещевой комплекс) // РА. – – 2007. – № 3. – С. 111-121.

Малашев В.Ю. Позднесарматская культура Южного Приуралья во II-III вв. н.э. Автореф. дисс... канд. ист. наук. М. – 2013.

Малов Н.М. Отчет об археологических исследованиях на р. Деркул за 1988 год. // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 11, д. 2234, оп. 2, 100 л.

Мамонтов В.И. К вопросу об оружии ближнего боя сарматов. Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – Т.23 2018. – № 3. – с.153-158.

Мошкова М.Г. Позднесарматская культура. В: А.И. Мелюкова (отв. ред.) Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1989. – с.191-202.

Мошкова М.Г. Среднесарматские и позднесарматские памятники на территории Южного Приуралья // Сарматские культуры Евразии: проблема региональной хронологии: Доклады к V международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории» (15-18 мая 2004 г.) / Отв. ред. Яблонский Л.Т., Лукьяшко С.И. – Краснодар: Фирма ННС, 2004а. – С. 22-44.

Мошкова М.Г. Археологические памятники южноуральских степей второй половины II-IV в. н.э.: позднесарматская или гунно-сарматская культура (погребальный обряд) // Российская археология. – 2007. – № 3. – С. 103-111.

Мошкова М.Г., Малашев В.Ю., Болелов С.Б. Проблемы культурной атрибуции памятников евразийских кочевников последних веков до н.э. – IV в. н.э // Российская археология. – 2007. – № 3. – С. 121-132.

Мошкова М.Г., Демиденко С.В. Воинское погребение в кургане 37 группы VI Лебедевского могильного комплекса // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. Материалы и исследования по археологии России / Отв. ред. Герасимова М.М. – 2010. – № 13. – М.: Таус. –с. 254-261.

Сейткалиев М.К. Неординарный погребальный комплекс из могильника Каратобе в Западном Казахстане // *Stratum plus*. – 2014. – № 4 –141-148.

Смирнов К.Ф. Сарматские племена Северного Прикаспия // КСИИМК. – Вып. XXXIV. – М.: Изд-во АН СССР – 1950. – С. 97-114.

Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. – Саратов: Изд-во СГУ, 1984. – 149 с.

Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Выпуск II. Раннесарматская культура (IV-I вв. до н.э.). / Отв. ред. М.Г. Мошкова. – М: Восточная литература – 1997. – 278 с. – с илл.

Хазанов М.А. Очерки военного дела сарматов. – М.: Наука, 1971. – 172 с.